

РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ МІСЬКИХ ТОПОСІВ У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ

УДК 821.111

Барінова Е.А.,

аспірантка,

Московський педагогічний державний університет

ЭЛЕМЕНТЫ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ И УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

В художественных произведениях разных исторических периодов писатели стремились по-своему отразить жизнь города в ее различных проявлениях, поэтому важно рассмотреть, как элементы городской культуры отражены у поэтов разных эпох, принадлежащих, к примеру, к одной национальной культуре, в частности, к литературе Великобритании. Не менее значимой научной проблемой является выявление сходных черт выделенных нами писателей, свидетельствующих о развитии традиций Уильяма Шекспира в творчестве Перси Биши Шелли.

Заметим, что для писателей романтического направления, особенно английских, пространство города чаще всего является препятствием к свободной, а значит, гармоничной жизни. Например, исследователь Д.М. Урнов пишет о Вордсворде: “Поэт живописал в своих стихах жизнь непритязательную, из лихорадочно растущих городов звал к вечному покою природы, проявляя тот в общем характерный для большинства романтиков философско-утопический консерватизм, который был реакцией на буржуазный прогресс” [12, 92]. Можно сказать, что для любого романтика неприятие урбанистической жизни объяснялось ее противопоставлением вечно меняющейся жизни природы, творческой и органичной. В пространстве города человек, на их взгляд, одинок, скован, ограничен определенными рамками, условностями общения, редко может проявить свои способности и таланты, а также чувства милосердия и взаимовыручки. “Но вместе с тем люди часто обрекают себя на осуждение природой, которая мстит человеку за его преступление перед миром гармонии и красоты” [11, 121]. Н.А. Соловьева и Б.И. Колесников делают такой вывод на материале анализа поэмы С.Т. Кольриджа “Сказание о старом мореходе”.

Перси Биши Шелли также относился к влиянию городской среды на человека с недоверием. “Без помощи дядюшки мы надолго были бы прикованы к грязи и торгашеству этого отвратительного Эдинбурга. Как ни гнусна аристократия, но еще презреннее торгаши – их невежество, их тупость, гордая своим кошельком...” [14, 37] – это суждения Шелли о крупнейшем городе в Шотландии (цитата из личной переписки). В его произведениях очень редко можно встретить городские парки, улицы, дома. Любимым местом пребывания романтического героя стихотворений, пьес и поэм Шелли является обычно какой-то уединенный уголок природы (чаще всего недалеко от моря, реки или другого водоема). Шелли

вообще крайне редко включает в повествование конкретные бытовые детали, особенности домашней обстановки; его поэтическому творчеству свойственна скорее абстрактно-философская образность. В качестве свидетельства можно привести цитату из биографического романа “Пророк”, автор которого (историк В. Басистова) опиралась на письма поэта и воспоминания современников. П.Б. Шелли в этом романе произносит следующие знаменательные слова: “Когда я вижу эти огромные дворцы и храмы, я тут же начинаю думать, сколько они поглотили труда, и, следовательно, времени, которое люди могли бы употребить на умственное совершенствование <...>” [2]. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что несколько городских реалий упоминается в произведениях английского романтика. О них стоит сказать подробнее, и в целом это два отдельных локуса городской культуры: тюрьма и храм. Эти сооружения знаменательны не случайно, ибо они так или иначе определяли социальные, экономические и нравственные законы своего времени.

Так, необыкновенно притягательным является **образ храма** в поэме “Возмущение Ислама”, написанной за весну–лето 1817 года. Нужно отметить, что при создании этого произведения П.Б. Шелли жил в городке Марло графства Бэкингемшир, недалеко от Лондона. Мери Шелли в примечании к поэме сообщает, что ее муж сочинял “Возмущение Ислама”, плывя на лодке под буковыми рощами Бишемского леса или гуляя по соседней деревне. Население в этой местности отличалось крайней нищетой, и Шелли по возможности помогал бедным людям. Также именно в это время поэта потрясли трагические события личной жизни, которым сопутствовало резкое ухудшение здоровья. В такой период душевных и физических невзгод человек стремится вырваться из мира неприятностей к свету и радости. Источниками, из которых поэт в то время черпал вдохновение, были, по словам Мери, произведения античных авторов и ряда национальных поэтов. Но нельзя забывать и другой, не менее важный источник – Ветхий Завет (Шелли перечитывал Псалмы, Книгу Иова и Пророка Исаяи). “Реальный мир исчезал. Перед глазами вставал пейзаж гораздо более романтический: морской берег, крутые скалы, башни и площади Золотого города – величественные декорации рождающейся трагедии” [2]. В результате символом надежды на возможное улучшение жизни, не только собственной, но и общечеловеческой, для писателя стал образ прекрасного Храма (*the temple*). В канонической структуре храма и во множестве артефактов, воплотивших универсальную модель храмового сознания, Шелли нашел тот идеал духовной красоты, к которому стремился долгие годы. Так в поэзию революционного романтика входит фундаментальный архетип *Imago Templi* – образ храма.

*Еще ни разу смертною рукою
Такой не воздвигался дивный Храм,
Взлелеян не был грезю людскою;
Он был во всем подобен Небесам,
Когда по зыби западного ската*

*Еще плывет пурпуровый поток,
И **месяц** между светлых туч заката
Готов поднять серебряный свой рог,
И звезды, обольстительно-безмолвны,
Глядят с небес на мраморные волны [13, 116].*

Необходимо отметить, что образ храма в рассматриваемой поэме почти всегда возникает в сравнении с луной (*the moon*), которая для английского романтика в большинстве случаев обладает каким-то неведомым, тайным очарованием, магической властью над миром. Не случайно именно луна управляет морскими приливами и отливами, а вместе с ними – чувствами и настроением людей. В поэме “Возмущение Ислама” Лаон расшифровывает тайны мира, записанные мудрецами всей планеты в древнейшие времена, **при свете луны**. При ближайшем рассмотрении оказывается, что для Шелли храм был самым важным компонентом городской культуры. Например, в начале анализируемой поэмы некий человек в Храме с глубоким темным взором рассказывает, что его воображение с детства питали “улыбки светозарные ребенка, взгляд женщин”, природа в своем многообразии и “луч **лампады** сонной, среди стропил идущий с потолка” [13, 120]. Позднее становится ясно, что повествователем в данном произведении является Лаон – смелый друг свободы, решивший поднять восстание против многовековой тирании. По мнению этого героя, **человеческие** храмы наполнены кровью и ложью, поскольку в действительности люди отдали свою свободу абсолютному злу: “И паутиной в капищах кругом / Плелся обман, рождаемый умом” [13, 122]. Пещера, в которую заточил Цитну жестокий тиран, напоминала ей храм, “и лишь с вершины этого собора / Лились лучи усладой для взора” [13, 203]. Далее Цитна сравнивает место своего пребывания с тюрьмой, а орла, приносившего ей пищу, – с тюремщиком. Этот вид храма-тюрьмы – земной, содержащий, по мнению Шелли, много пороков (в том числе лицемерие), не достоин существования. Для него К.Д. Бальмонт, всегда подходивший к своим переводам с творческим воображением, подобрал слово “капище”.

<i>Так быть не должно; можно вам восстать,</i>	<i>Рассеется. Взгляните, мыс высокий</i>
<i>И золото своей лишится силы;</i>	<i>Скрывает нисходящую луну;</i>
<i>Любовь способна в мире возблистать,</i>	<i>Так тюрьмы – только призрак одинокий,</i>
<i>Как луч; и суеверья мрак унылый,</i>	<i>И капища исчезнут как туман,</i>
<i>Себя связавший с кровью в старину,</i>	<i>Лишь Человеку светоч вечный дан [13, 218].</i>

Перед нами речь Цитны, произнесенная ею в миг отчаяния, когда, поверив в свое чудесное спасение на корабле, она поняла, что попала в руки работорговцев. Тогда она решила воздействовать на поступки людей словом, и это ей удалось: Цитна оказала на очерстневших за годы “службы” людей благотворное влияние, пробудив в их душах живую мысль о добре и справедливости. Необходимо отметить, что и здесь снова возникает образ луны как символ неизменного, непреходящего светоча, бессмертного помощника Земли. На данном примере видно, что главная героиня (а с нею и автор) верит в скорое исчезновение тюрем и капищ (лживых, земных храмов). На их месте должен быть воздвигнут настоящий Храм Веры – подобный небесам, прекрасным и чистым. По мнению С.В. Прожогойной, Храм – это метонимия Царства Небесного [8], место, где человек может высказать свои надежды на счастье и гармонию. Таким выражением

людских чаяний и является Храм Духа, выведенный в начале и конце поэмы английского романтика.

*И, точно сфера света, посредине,
Храм Духа возвышался вдалеке,
Оттуда исходил к нам звук призывный,
К нему, в объятom чарой челноке,*

*Скользили мы дорогой переливной,
Так диск Луны проходит вкруг Земли,
И гавань здесь мы светлую нашли*

[13, 274].

Таким образом, пространство дивного Храма возникает в поэме в форме кольцевой композиции, обрамляя светлый и одновременно мрачный рассказ о восстании народа в Золотом городе и о стремлении людей к Свободе и Равенству. Описание Храма в поэме занимает десять строф первой песни (с 51 по 60-ую). Свод входа сделан из **лунного** камня, бриллиантовый потолок открывает взгляду весь небосвод со звездами, “лунами” и планетами. На яшмовых стенах висят прекрасные картины, изображающие “повесть Духа” (*the Spirit's history*). Внизу, на престолах из сапфира, сидят великие мудрецы (среди них есть женщины и дети), которые составляют вместе могучий Совет. Этот храм напоминает читателю о всеобщей гармонии и справедливости, которых, по убеждению Шелли, необходимо добиться, чтобы стать достойными небес, чтобы Земля стала подобна Небесам. В этой поэме, как и во многих других произведениях Шелли (“Королева Маб”, “Прометей Освобожденный”), мы слышим призыв писателя устроить рай на земле, особенно если вспомним эпитафию – слова Архимеда: “Дайте мне точку опоры, и я переверну вселенную”.

Насчет атеистических взглядов английского романтика, особенно ярко выразившихся в его ранней юности, было сказано немало и его современниками, и литературоведами последующих веков. Гораздо менее известным фактом является то бережное отношение к христианской вере, которое он проявил в зрелые годы. Одним из самых близких и преданных друзей П.Б. Шелли в период создания поэмы был писатель Томас Лав Пикок. В биографическом эссе “Воспоминания о Перси Биши Шелли” Т.Л. Пикок отметил, что однажды приятель признался ему в своей мечте стать сельским священником. При этом П.Б. Шелли объяснил удивленному товарищу причину такого желания: “Сверхъестественность религии – это еще не самое главное. Что же касается христианской морали, то я более убежденный христианин, чем иные святоши. Только представьте себе, сколько пользы может принести хороший священник. Ведь он учит разуму и проповедует добро, подает пример благородного поведения и правильной, размеренной жизни; личным участием и добрым словом он утешает бедных, которые всегда могут обратиться к нему, если им неоткуда ждать помощи. Как прекрасно, что **церковь** разбросала таких людей по всей земле” [6, 204].

Заметим, что немало дискуссий ведется и вокруг религиозных взглядов Шекспира. Так, к примеру, испанский философ Джордж Сантаяна выразил мысль, что в произведениях У. Шекспира нет и намек на религиозность автора, иначе “космические силы и их роковое развитие приводили бы нас в священный трепет и печаль, очищали и радовали, заставляя чувствовать зависимость от них течения

человеческой жизни. Тогда бы мы не смогли сказать, что в творчестве Шекспира отсутствует религия. Ибо усилия религии, по словам Гете, состоят в попытке примирить нас с неизбежным; каждая религия по-своему стремится к этому результату” [10]. Заметим, что эту мысль подтверждает и текстологическое исследование шекспировского творчества, и утверждения многих литературоведов, например, Франсуа Гизо, который в статье “Жизнь Шекспира” (1821) замечал, что во всех трагедиях Шекспира герои противостоят обстоятельствам, в которые поставила их жестокая судьба, утверждая тем самым свободу человеческой мысли и воли. При этом в произведениях Уильяма Шекспира крайне редко употребляются слова *храм* или *церковь* (*the church*), что для эпохи Ренессанса необычно, поскольку религия в то время имела сильное влияние на человеческую жизнь. В целом во всем творческом наследии У. Шекспира слово “храм” (*the temple*) все же употребляется 35 раз в 19 различных произведениях. Но, на наш взгляд, это крайне мало.

В романтической комедии Шекспира “Как вам это понравится” шут Оселок, признавшись деревенской девушке в намерении жениться на ней, говорит: “*Человек трусливого десятка задумался бы перед таким предприятием, потому что церкви здесь никакой, один лес, а свидетели – только рогатые звери*”. Знаменательно, что образ храма в этом произведении сопоставлен с природным, деревенским, не-городским началом, образом леса, что служит для Оселка известным поводом для шуток. Такой “лесной храм” заставляет вспомнить созданный П.Б. Шелли Храм Духа, помещенный среди первозданной природы, удаленный от людской толчеи больших и малых городов. Примечательно также, что четырежды повторяется слово “храм” в античной трагедии “Кориолан”. В третьей сцене третьего акта Кориолан произносит:

*О боги,
Храните Рим! Судейские скамьи
Заполните достойными мужами!
Любовь меж нас посейте, чтобы мы
В обширных **храмах** прославляли мир,
А не дрались **на улицах!***

В данном произведении У. Шекспир употребляет слово “храм” как синоним пространства, в котором совмещаются мир, покой и благоденствие, в отличие от городских улиц, где возможны драки, убийства и беспорядки гражданской войны. Показательно, что к такому же мирному поведению призывает читателя и романтик XIX века П.Б. Шелли, когда утверждает, что народ не должен, как бы ему ни было тяжело, мстить своим притеснителям. Чтобы не уподобляться своим врагам, люди должны забыть про насилие и жестокость, только своей добротой и смирением они смогут преобразить мир (поэмы “Маскарад анархии” и “Возмущение Ислама”). Несколько иначе построены высказывания о храмах в романтической трагикомедии Шекспира “Цимбелин”. Например, сын Цимбелина, обладающий кельтским именем Гвидерий, рассуждает (IV, 2): “*Рыдания расстроят нашу песню, / А в скорбном пенье фальшь звучит ужасней, / Чем слово лжи в устах жреца во храме*”. В приведенном примере герой явно осуждает поведение и речь некоторых

недостойных священников, которые осмеливаются произносить слова неправды в святом для всех верующих людей месте. Следующий случай употребления слова “храм” означает у Шекспира телесную оболочку души; тело как храм человеческой души – довольно распространенная метафора в Средние века.

*Горюет вздох, что не улыбка он,
Улыбка ж потешается над вздохом,
За то, что он мечтает улететь
Из храма своего и слиться с бурей –
Грозою моряков.*

Аврираг (второй сын короля Британии) так говорит о своей переодетшейся в мужской костюм сестре Имогене, впервые увидев ее. Подобное описание настроения главной героини приводит к мысли о сходстве данного произведения с трагедией “Король Лир”. В пьесе 1605 года у Корделии совмещаются в душе два вида чувств: грусть и стойкость, которые “поспорили, что больше ей к лицу”. И эта ситуация также приводит размышления героя к психологическому параллелизму с природным явлением – радугой (как в “Цимбелине” – с грозой и бурей). Здесь интересно привести в пример другое употребление слова “храм” в значении человеческого тела, земной оболочки духа:

*Развитье человека
Не сводится к физическому росту,
Ума формирование и души
Одновременно происходит в **храме тела**.*

В третьей сцене первого акта трагедии “Гамлет” Лаэрт таким образом наставляет свою сестру перед отъездом во Францию. Сын Полония приводит различные аргументы, чтобы уговорить Офелию не отвечать взаимностью на пылкую любовь датского принца. Брат убедительно доказывает героине, что ни она, ни Гамлет еще не созрели для истинных чувств. Похожее значение искомого слова присутствует и в другой трагедии третьего периода шекспировского творчества – “Макбете”. Шотландский дворянин Макдуф отреагировал на известие о гибели Дункана следующим образом:

*Зло превзошло себя в своем искусстве:
Убийство святотатственно взломало
Господень храм помазанный и жизнь
Святынища похитило (II, 3).*

Убийство короля воспринимается в этой пьесе (что вообще характерно для Средних веков) как нечто противоречащее всем нравственным устоям общества, священным традициям, передающимся из поколения в поколение, и, наконец, вере отцов, которую нужно чтить, несмотря ни на что. Поэтому данное преступление образно рассматривается героем как взлом, осквернение храма (тело короля – своеобразный храм, священный для всего народа).

Особое значение приобретает храм, когда приближение к нему является сложным и долгим путешествием, преодолением различных препятствий. Ш. М. Шукуров в своем культурологическом исследовании “Образ храма / Imago

temple” замечает, что “паломничество – одно из условий жизненности, обновления Храма” [16, 278]. Для человека Храм – это место, где он может остановиться, найти успокоение. Но, в то же время, человек, пришедший в Храм, начинает новый путь к обретению истинных духовных ценностей. В лирической драме П.Б. Шелли “Прометей освобожденный” величественный образ храма Природы и освобожденного человечества появляется только после свержения Зевса в третьей сцене третьего акта. О Храме, как о всеобщей цели, расположенной в пещере Прометея, говорит Земля – заступница и утешительница людей. У Шекспира к Храму Дианы в Эфесе направлено все действие трагикомедии “Перикл”; “Цимбелин” завершается шествием к Храму Юпитера, где должен быть заключен союз с Римом; в Храме Аполлона в Дельфах оракул возвестил единственно верное судебное решение, ожидаемое в Сицилии (“Зимняя сказка”).

По мнению современного исследователя Э.Б. Акимова, в эпоху Шекспира общество постепенно переходило от веры в вертикальное пространство вселенной к изучению горизонтального (развитие географии, оптики, техники и т.д.). “Функции шекспировских героев не ограничиваются рамками срединного, человеческого мира, они действуют в большом “трехъярусном” бытии, на них возложены не только житейские функции, но и сакральные. Психологически (и физически) герои часто принадлежат Возрождению, онтологически – мифопоэтическому, условно говоря, средневековому пространству. Весьма многозначительно то, что Толстой ругал Шекспира прежде всего потому, что не видел в его пьесах христианского измерения, религиозного основания. Толстой, например, не чувствовал, что образ Корделии, по-матерински относящейся к своему отцу, образ девы-матери, имеет чисто христианское звучание” [1]. По словам Б.Н. Гайдина, в целом драматургия Шекспира содержит “многочисленные библейские аллюзии и параллели” [3]. При глубинном анализе выясняется, что во многих произведениях Уильяма Шекспира и Перси Биши Шелли композиционным центром является момент, когда человек осознает мир в его целостности и бренности в потоке времени (“Гамлет”, “Король Лир”, “Макбет”, “Возмущение Ислама”, “Прометей Освобожденный”, “Ченчи”). Можно сказать, что их важнейшие пьесы и поэмы нанизаны на общую ось, и этой смысловой осью является полный глубокой духовности и религиозности взгляд на мир с такой высоты, откуда можно увидеть начало и конец мира, или переход из старого мира в новый. Чаще всего – это мир, не подчиненный временному измерению и показанный в его чистом бытии. Для Шелли всеобъемлющим и достойным существованием на земле является только Храм Духа, возведенный среди величественной и свободной природы. Шекспир же допускает умиротворяющее воздействие существующих храмов на человеческую природу, и поэтому драматург эпохи Ренессанса терпимее относится к этим сооружениям (“Кориолан”). Но гораздо чаще “эйвонский лебедь” употребляет указанное слово в метафорическом значении (тело человека – храм, или материальная оболочка души). Следовательно, образ храма в литературном наследии Шелли и Шекспира является очень важным, можно сказать,

основополагающим, хотя у каждого при известной общности есть свои оттенки звучания рассматриваемого образа.

Не менее интересно выяснить, какую роль в произведениях Шекспира и Шелли играет **тюрьма**. В исторических хрониках Шекспира повторяется мотив Тауэра – худшей тюрьмы на свете. В пьесе “Ричард II” пятая сцена пятого акта проходит в подземной темнице (*the dungeon*). В поэме “Возмущение Ислама” именно это слово употребляется для обозначения всего окружающего мира, каким его видят “смелые духом” [13, 122]. Метафора Родины – тюрьмы разворачивается в трагедии Шекспира “Гамлет” и в неоконченной пьесе Шелли “Карл Первый”. Наконец, в “Зимней сказке” король Леонт обвиняет жену в преступлениях, которых она не совершала, – мотив, который был использован Шекспиром в трагедии “Отелло”, П.Б. Шелли в драме “Эдип-тиран”, – и заключает ее без вины в тюремную камеру. Таких примеров можно было бы привести множество, поскольку тюрьма упоминается в произведениях рассматриваемых писателей бесчисленное количество раз.

Однако особенно ярким представляется образ главной героини на фоне тюрьмы в самой мрачной драме П.Б. Шелли – “Ченчи”. По мнению И.К. Неупкоевой, стремясь выявить в образе его идею, доминирующую черту персонажей, Шелли ставит героев своих произведений в такие ситуации, которые “способствовали бы проявлению прежде всего нравственной “доминанты” образа, но не различных граней характера” [5, 367]. Кроткая и смиренная, относившаяся к миру с искренней религиозностью, Беатриче совершает поистине героические поступки: сначала долго терпит жестокую тиранию отца, а впоследствии стойко переносит судебные обвинения инквизиции. Обстоятельства действия в этой драме настолько обострены, что можно с уверенностью говорить о романтическом сгущении красок, достигшем наибольшей полноты и яркости в пятом действии. “Нам нужно умереть, – уж раз такая / Отплата за невинность”, – рассуждает Беатриче в тюремной келье. Обстановка, в которой приходится действовать героине (тюрьма, а до этого замок Петрелла), является конденсированным выражением мирового зла, против которого она выступает. Ужасные обстоятельства подчеркивают значимость того подвига, что ей предстояло свершить.

Среди трагических пьес Шекспира наибольшую значимость образ тюрьмы приобретает, безусловно, в “Короле Лире”. По словам Л.Е. Пинского, в последнем акте герой (Всякий Человек) переживает третье рождение за всю пьесу, осознав, наконец, источник социального зла в лице корыстных собственников, борцов за материальное превосходство. Первые два изменения привели короля к утрате гармонии и открытию братства всех людей [7, 360]. Лейтмотив финала – “жизненно важная роль трагической тревоги в трагедийном мире” [7, 383]. Причину гибели Корделии Л.Е. Пинский видит в отсутствии этого чувства в душе “хорошего человека” Альбани, его беспечности и принадлежности к “тем, кто скорбь не любит” (слова Эдгара). Таким образом, тюрьма в трагедии – показатель того, что “добрым” героям нельзя успокаиваться в нашем бесчеловечном мире, нужно быть готовым к спасению своего “сердца” из несправедливого заточения, а блаженное

самоуспокоение в самый ответственный момент равнозначно бесчувственности и равнодушию к судьбам других людей. Иное значение (как место для раздумий о мироздании и для познания истины во всей ее полноте) тюрьма обретает в трагикомедии, изображающей историю Британии, – “Цимбелине”. Пока Постум находится в тюрьме, призраки его погибших родственников просят громовержца улучшить его злую участь, иначе они поднимут бунт. На эти заявления Юпитер (совершенно спокойно спустившийся с Олимпа) отвечает уверениями в том, что судьба у Леоната сложится прекрасно. Заступник сирот обещает теням “возвеличить [героя] после черных дней”, так как “львенок”, рожденный под его звездой, совершил бракосочетание с Имогеной в его храме. Таким образом, в тюрьме у Постума появляется надежда на счастье, ведь именно там Леонат получает записку с пророчеством, которое обещает ему лучшее будущее. Так на время открывается граница в другой, потусторонний мир – после всех испытаний, перенесенных Леонатом на войне с Римом и самим собой.

В 1818 году в итальянском, построенном еще в средневековье городе Лукка П.Б. Шелли завершил “современную эклогу” “Розалинда и Елена”. Этот своеобразный жанр античной литературы, применявшийся вплоть до XIX века, означает стихотворное повествование или диалог на тему деревенской жизни. В произведении, больше похожем на поэму, есть привычный для творчества Шелли герой – борец за всеобщее счастье людей по имени Лионель. Для него жизнь и любовь были “близнецами”, с рождения он проникся кроткой и нежной любовью к миру. Но после восстания народа и его подавления Лионель, выступавший на стороне бедняков, был схвачен “слугами произвола” и отведен “в обширный город, в башню, в тьму, / в зловеще-мрачную тюрьму” [15, 275]. Перед уходом в место заключения герой произнес пророчество о том, что запачканные кровью своих жертв тираны будут свергнуты в недалеком будущем – от этих слов “проснулась темница”. Наконец, “враги раскаялись” и освободили борца за свободу из тюрьмы, но он возвратился оттуда истощенным и ослабевшим. Итак, тюрьма в этой поэме обозначает символическое пространство, где Лионель проходит положенные ему испытания, доказывая свою отвагу, твердость и решимость. Кроме этого, темница символизирует место, где торжествуют тираны, но этот тесный для души мир готов к серьезным переменам (темница все-таки “проснулась” от предсказания Лионеля, которое не случайно высказано именно в такой мрачной обстановке – особенно в сравнении с пророчеством в пьесе Шекспира “Цимбелин”).

К вопросу о символичности и важности высказываний, произнесенных в темнице, относится изучение некоторых сцен в “философской”, по терминологии В. Рогова [9, 128], пьесе У. Шекспира “Мера за меру”. Исследователь приводит в подтверждение мысль А.В. Луначарского о том, что по своей идее произведение “представляет собой анализ так называемого “правосудия”, не менее глубокий, чем “Преступление и наказание” Достоевского или “Воскресение” Толстого” [4, 184]. Кроме этого, Шекспир излагает в этой проблемной пьесе свою концепцию

человека, для чего в первой сцене третьего акта Герцог (переодетый священником) произносит важнейший монолог, обращенный к Клавдию. Этот монолог о жизни и смерти не случайно озвучен именно в тюремной камере, она служит условным обозначением человеческого мира, а точнее, современного драматургу общества.

В лирике П.Б. Шелли также проявляется неприятие жестокой действительности, условно обозначаемой как тюрьма, темница. В раннем стихотворении “Республиканцам Северной Америки” поэт высказал интересную мысль о том, что именно любовь способна спасти мир от несвободы, духовного и физического заточения. *“From misery’s ashes risen, Love shall burst the captive’s prison”*, что означает: *“Восстав из пепла бед и боли, Любовь сожжет оплот неволи”*. С таким чувством любви, дружеского участия и понимания было написано стихотворение 1817 года *“К освобожденному из тюрьмы”* (*“To a friend released from prison”*). Лирический герой данного отрывка благодарит человека (чей дух исполнен огня), пожертвовавшего своей свободой, и особо подчеркивает, что он, заключенный тираном в темницу, наоборот всем сердцем любит волю и желает ее для всех остальных людей. Из писем 1818 года известно, что П.Б. Шелли планировал создать драму о жизни итальянского писателя эпохи Возрождения Торквато Тассо, который был заключен в темницу на семь лет. Весной того же года романтик посетил в Ферраре места, связанные с этими печальными событиями, отметив, что в тот деспотичный век “героическая добродетель подвергала своего обладателя неумолимым гонениям” [14, 156]. Размышляя о сочинении Томаса Пейна “Век Разума”, Шелли приходит к выводу, что “оно написано большим и хорошим человеком при обстоятельствах, в каких всегда оказываются большие и хорошие люди, а именно в тюрьме, в ежечасном ожидании смерти, грозившей ему за сопротивление тирану” [14, 191].

Таким образом, выяснилось, что для Шелли образ тюрьмы предполагает проявление героического, тираноборческого начала в произведении. Значение этого городского топоса в таком случае возрастает, так как он оказывается своеобразным символом, метафорой существующего мира, устроенного неправильно, если честные, смелые и справедливые герои находятся за решеткой, в заключении (Лионель, Лаон, Прометей, Беатриче). Кроме того, персонажи двух великих английских писателей именно в тюрьме открывают в себе способность к мудрому рассуждению о своей судьбе, жизни и смерти, к интересным философским обобщениям (в этом смысле можно сравнить произведения “Возмущение Ислама”, “Розалинда и Елена”, “Прометей освобожденный”, “Ченчи” с одной стороны и “Мера за меру”, “Король Лир”, “Цимбелин” с другой). Наконец, в отличие от Шекспира, у Шелли тюрьма довольно часто изображается в качестве важного этапа в жизни человека, места его невыносимых страданий и подвига, средства, с помощью которого закаляется его бессмертный дух и проверяется твердость характера.

В целом, изученные элементы городской культуры в творчестве рассмотренных авторов характеризуются известной амбивалентностью: одновременно могут являться символом мрачной, закрепощенной действительности и пространством,

где могут осуществляться (в воображении или в реальности) смелые надежды, мечты героев или их предназначение, как это проявляется в ряде рассмотренных произведений. Несомненно, тюрьма и храм приобретают в художественном мире английских писателей важный сакральный смысл, когда в одном из этих пространств герои начинают видеть будущее и встречаться с прошлым, а в другом, соответственно, обнаруживают в себе талант преображать настоящее.

Литература

1. Акимов Э. Б. К реконструкции шекспировского мифа [Электронный ресурс] / Э. Б. Акимов // Э. Б. Акимов. Гамлет. – Режим доступа : http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2000/2000_08.htm.
2. Басистова В. Пророк : биографический роман [Электронный ресурс] / В. Басистова. – Режим доступа : <http://www.panteon-istorii.narod.ru/pisat/shelli.htm>.
3. Гайдин Б. Н. “Гамлетовский вопрос” как отражение христианской картины мира [Электронный ресурс] / Б. Н. Гайдин. – Режим доступа : http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_4/Gaydin.pdf.
4. Луначарский А. В. Хороший спектакль / А. В. Луначарский // Луначарский А. В. О театре и драматургии. – М., 1958. – Т. 1.
5. Неупокоева И. К. Революционный романтизм Шелли / И. К. Неупокоева. – М., 1959.
6. Пикок Т. Л. Аббатство Кошмаров. Усадьба Грилла / [Е. Ю. Гениева, А. Я. Ливергант, Е. А. Суриц] / Т. Л. Пикок. – М., 1988.
7. Пинский Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии / Л. Е. Пинский. – М., 1971.
8. Прожогина С. В. Крушение “Храма Свободы”, или Обретение постколониальной Реальности [Электронный ресурс] / С. В. Прожогина. – Режим доступа : <http://independent-academy.net/science/library/prozhogina.html>.
9. Рогов В. Проблема природы человека в пьесе “Мера за меру” / В. Рогов // Шекспировские чтения – 1977 : сб. научн. ст. – М., 1980.
10. Сантаяна Дж. Отсутствие религии у Шекспира / Дж. Сантаяна. – Режим доступа : <http://www.krotov.info/library/s/santayan.html>.
11. Соловьева Н. А., Колесников Б. И. Английская литература : романтизм // История зарубежной литературы XIX века / под ред. Н. А. Соловьевой. – М., 1991.
12. Урнов Д. М. Романтизм. Английская литература первой половины XIX века / Д. М. Урнов. – М., 1989.
13. Шелли П. Б. Возмущение Ислама / П. Б. Шелли // П. Б. Шелли. Странники мира. – М., 2005.
14. Шелли П. Б. Письма, статьи, фрагменты / П. Б. Шелли. – М., 1972.
15. Шелли П. Б. Розалинда и Елена / П. Б. Шелли // Шелли П. Б. Полное собрание сочинений ; [пер. К. Д. Бальмонта]. – СПб., 1904. – Т. 2.
16. Шукуров Ш. М. Образ храма (Imago templi) / Ш. М. Шукуров. – М., 2002.

Аннотация

В данной статье рассматривается значение таких важных компонентов городской действительности, как храм и тюрьма, в творчестве двух английских писателей. Изучение данного вопроса необходимо, потому что он является частью актуальной проблемы: репрезентация городских топосов в художественных произведениях. Последовательно доказывается развитие традиций Уильяма Шекспира в произведениях Перси Биши Шелли. В результате исследования делается вывод о том, что храм в его различных проявлениях является центральным образом многих произведений сопоставляемых поэтов. Образ тюрьмы также приобретает огромное значение в литературе в качестве сакрального пространства, где может возникнуть переход в другой, потусторонний мир, открывая герою тайны прошлого и будущего.

Ключевые слова: Шелли, Шекспир, храм, тюрьма, город, христианство.

Анотація

У статті розглядається значення таких важливих складових міської дійсності, як храм і в'язниця, у творчості двох англійських письменників. Вивчення даного питання є необхідним, тому що воно є частиною актуальної проблеми: репрезентація міських топосів у художніх творах. Послідовно доводиться розвиток традицій Вільяма Шекспіра у творах Персі Біші Шеллі. У результаті дослідження робиться висновок, що храм у його різних проявах є центральним образом багатьох творів порівнюваних поетів. Образ в'язниці також набуває важливого значення в літературі в якості сакрального простору, в якому можливий перехід в інший, потойбічний світ, відкриваючи герою таємниці минулого та майбутнього.

Ключові слова: Шеллі, Шекспір, храм, в'язниця, місто, християнство.

Summary

In this article value of such important components of the city, as a temple and a prison, in the works of two English writers is considered. Discussion of this question is necessary, because it is a part of an actual problem "Representation of city places in works of art". Along the whole length of article development of traditions of William Shakespeare in Percy Bysshe. Shelley's works is consistently proved. As a result of research the conclusion that the temple in its various displays is the central image of many products of compared poets becomes. The image of prison also gets huge value in the literature as sacral space where a transition in another world can arise, revealing to hero the mysteries of the past and the future.

Keywords: Shelley, Shakespeare, the temple, the prison, the town, Christianity.

УДК 821.161.2–2 Українка.09

Панасенко Т.М.,
здобувачка,

Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна

МІСЬКІ ЛОКУСИ В ЛІРО-ЕПІЧНОМУ ДИСКУРСІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

У дослідженнях про Лесю Українку її ліро-епос практично не розглядався як дискурс: кожна поема осмислювалася літературознавцями окремо, переважно у проблемно-тематичній, образній, мотивній площині, а мовознавці найчастіше аналізували різноманітні лексичні пласти: демонологічну лексику [4], рослинні номінації [3], поліські топоніми [1], у тому числі в епістолярії письменниці, але так само не йшлося про поемний дискурс. Найближчою до теми нашого дослідження є стаття С. Кочерги про архітектурний код [7] творчості Лесі Українки, щоправда без родових розмежувань. Відтак **мета** пропонованої статті – аналіз ліро-епічного дискурсу поетеси в аспекті вивчення специфіки використання (семантика, символіка) в ньому міських локусів: назви споруд, міського ландшафту; окремо йтиметься про архітектурні топоси, що перейшли в міські.

Насамперед акцентуємо локус "палати" ("великий, багатий будинок із численними кімнатами; палац" [6, 429]). Це слово зустрічається в кількох поемах, на нашу думку, воно є універсальним, оскільки не несе інформації про географічно точне місце знаходження будівлі. Дія твору може відбуватися в Україні ("Русалка" (1885): "Маю осяйні *палати*. / В мене *палати* кращі од царських," [14, 18]), в Ізраїлі